

Предчувствие беды в американской литературе XX века

Апокалипсические мотивы, предчувствие беды были свойственны американской литературе, американской культуре на протяжении нескольких последних десятилетий. Можно сколько угодно толковать об истоках подобного мироощущения, но присутствие его нельзя отрицать. Достаточно вспомнить хотя бы такие кассовые фильмы, повествующие о нападении на США, о разрушении страны, как "На следующий день", "Марс атакует", "Пришелец", "Чужой", "Чужие", "Астероид" и многие другие. Были и более точные, "адресные" предупреждения: фильмы "Дублер", в котором группа террористов берет президента в заложники, "На линии огня" (1993) - покушение на президента, "Самолет президента" (1997) - захват террористами самолета с президентом, "Детонатор" (1997) - террористы хотят взорвать Белый дом, "Миротворец" (1997) - стремление террористов овладеть чемоданчиком с ядерной кнопкой; "Цель Номер 1" (1996) - о попытке похищения президента США, "Убийство в Белом доме" (1997), и другие.

Но тема угрозы демократии, демократической форме государственного устройства, угрозы демократическим ценностям, в том числе и ценности человеческой жизни, является одной из магистральных тем американской литературы, начиная с романа С. Льюиса "У нас это невозможно" (1935). К чести серьезной американской литературы, писатели США, подобно канарейкам в шахте, первыми улавливали эту угрозу и спешили предупредить о ней своих читателей. Чаще всего, эта угроза исходила со стороны "своих", антидемократически настроенных профашистских элементов, рвущихся к власти и стремящихся достичь ее, используя террористические методы или запугивая обывателя угрозой терроризма. Подобный внутренний конфликт лежит в основе американского военного романа (произведения Н. Мейлера, Д. Джонса, Д. Херси, И. Шоу). Американские писатели очень точно определили, что угроза демократии - в фашизме, если иметь в виду его глубинную суть - провозглашение приоритета одной группы населения над всеми остальными, права этой группы подчинять себе остальных и распоряжаться их судьбами. По какому признаку происходит выделение этой группы - национальному ли, религиозному, идеологическому - это уже не столь важно. Подобный механизм лежит в основе терроризма.

Для проникновения в суть вопроса необходимо исследовать дихотомию "Я" - "Другой" и ее проявление в американской культуре.

В фантастике в качестве "Другого" выступали инопланетяне или иные противные человеку существа; в массовой литературе на протяжении десятилетий разрабатывалась тема русской угрозы, руки Кремля, протянувшейся совсем не с дружественными целями через океан - сказывались многие годы политической конфронтации. Враг в конце концов оказался не тем. Выделить его правильно не представлялось возможным именно в силу феномена мультикультуризма, определяющего политическую и культурологическую ситуацию в стране, демократического характера американского общественного сознания, настаивающего на равноправии, на равной роли в жизни страны выходцев из любой нации и культуры. Тема "Востока и Запада", противостояния христианства и ислама в американской литературе не рассматривалась именно в силу ее демократического характера. "Заговор молчания" был прерван в 1997 году книгой проф. Хантингтона "Столкновение цивилизации", доказывавшего, что 20 век отмечен не столкновением идеологий или религий, но столкновением цивилизаций. Согласиться с проф. Хантингтоном можно, только если воспринимать ваххабизм как цивилизацию, отрицающую гуманитарные ценности, ценность человеческой жизни, соблюдение демократических норм в личной и общественной жизни. Ваххабизм и возникает как религиозное течение крайне агрессивного характера, провозглашающее свои ценности единственно верными и объявляющее священную войну, джихад, всем "другим". Течение по своей внутренней сути профашистское. Так что писатели США были исторически абсолютно правы, когда противопоставили не США и арабский мир, не США и ислам, а демократию и насилие, террор как средство решения политических и социальных проблем, и именно это противостояние и исследовали на протяжении последних 70 лет XX века.

Признанный мэтр американской и мировой литературы, Уильям Фолкнер, столь далекий, казалось бы, от злобы дня, написал в 1938 г. роман "Непобежденные", посвященный Гражданской войне. Роман завершается главой "Запах вербены", имеющей особое идейно-композиционное значение в структуре романа. "Запах вербены" была написана Фолкнером летом 1937 года, после того, как разрозненные новеллы, составившие "Непобежденных", были переработаны им в роман, и, значит, была необходима писателю для придания смысловой

целостности его роману. Она дает возможность переосмысления ценности и красоты идеалов, за которые боролись южане и которые помогли им остаться "непобежденными". В этой новелле главным героем становится Баярд Сарторис, от лица которого ведется повествование в романе. Выросший Баярд переосмысливает подвиги своего отца и его намерение возродить Юг, потому что во исполнение своей грезы отец пролил слишком много крови. Друзилла, ставшая женой его отца и полностью разделявшая взгляды мужа, пытается объяснить Баярду, что "греза - вещь для окружающих небезопасная... Она как заряженный револьвер на боевом взводе: рано или поздно выстрелит и кого-нибудь да заденет. Но настоящая греза стоит того. Не так уж много грез на свете, а народу хватает. Одним или дюжиной меньше..." [1] Но Баярд уже не может помириться с такой ценой, заплаченной за туманное будущее "счастье" края. И когда его отца убивает постоянно оскорбляемый им бывший компаньон, а кодекс чести южного джентльмена требует от сына убийства убийцы, Баярд предпочитает убийству потерю любимой женщины и риск быть убитым. Приведя своего героя к осуждению насилия, к отказу от него как средства решения проблем, в том числе и политических, Фолкнер своим романом внес вклад в разработку одной из центральных тем американской литературы 20 века - темы осуждения ортодоксальной идеи, требующей для своего воплощения человеческие жертвы, темы неприятия насилия над личностью, приоритета и первостепенной ценности человеческой жизни и свободы.

Тема осуждения террора, насилия для решения политических проблем становится основной для американского исторического романа XX века. Ею проникнуты исторические романы Г. Фаста, писателя-коммуниста, в романе "Гордые и свободные" (1950) вынесшем приговор террору как средству революционной борьбы. Итогом раздумий Фаста о допустимости насилия, террора стал его выход из рядов Компартии США в 1956 году.

Проблеме свободы и политического насилия, демократии и диктатуры посвящен роман классика американской литературы 20 века Т. Уайлдера "Мартовские иды", роман о последних месяцах правления Юлия Цезаря.

"Мартовские иды" Уайлдера - опосредованный отклик на события недавнего прошлого, на немецкую и итальянскую фашистскую диктатуру. На историческом материале Уайлдер проводит политический, философский эксперимент, пытаясь

выяснить, может ли диктатура быть благотворна для страны и народа, и в ходе своего исследования получает отрицательный ответ на этот вопрос.

Цезарь Уайлдера (не претендующий на сходство с реальным, историческим Цезарем) изображен как человек и политик, в полной мере принявший на себя ответственность за свою Родину (Рим) и свой народ, посвятивший жизнь их укреплению и благополучию, и вдруг, в конце жизни, обнаруживший, что не понят и ненавидим за то, что якобы лишил людей свободы. Но для Цезаря "свобода существует только как ответственность за то, что делаешь" [2], а римляне боятся ответственности и, следовательно, боятся свободы, а потому ее недостойны. Для Цезаря "жизнь не имеет другого смысла, кроме того, который мы ей придаем" [3], а римляне, в том числе и римская аристократия, заражены страхом перед жизнью, а потому цепляются за суеверия и предрассудки. Конфликт Цезаря с римлянами - это конфликт государственного деятеля, пробующего насладиться благом с помощью силы, с народом, деятеля, слишком поздно убедившегося в несостоятельности и порочности избранного пути. Трагедия Цезаря по Уайлдеру, и состоит в том, что он слишком поздно приходит к осознанию своей губительной роли в судьбе любимой Родины и ее народа, и тогда в отчаянии восклицает: "Рим в том виде, в каком я его создал, ... не слишком привольное место для человека ... если бы я не был Цезарем, я стал бы убийцей Цезаря". [4], Потому-то Цезарь и не предпринимает меры для ликвидации заговора, направленного против него. Жизнь для него потеряла всякий смысл.

По мысли Уайлдера, диктатура всегда губительна как для народа, на который она направлена, так и для ее носителя. Диктатура порочна по самой своей сути и всегда враждебна Искусству.

Наиболее близок к рассматриваемой проблематике роман У. Стайрона "Признания Ната Тернера" (1967), роман о предводителе крупнейшего восстания рабов в Виргинии в 1831 году. Стайроновский Нат Тернер, чернокожий проповедник, с юности начинает ощущать присутствие Бога в своей жизни. Его молодость заполнена размышлениями над Библией, созреванием его ненависти к белому человеку, и оба эти занятия дали свой совместный результат: осознание Натом Тернером своей святой миссии уничтожения всех белых в Саутгемптоне. Нат Тернер отождествляет себя с пророком Иезекией, горящим священной яростью, ощущает себя черным отмщением, безграничным, разрушительным

орудием божьего гнева" [5]. Его не смущает то, что первыми жертвами его гнева становятся люди, хорошо относившиеся к нему: его последние хозяева чета Трэвисов, миссис Уайтхед.

Нат у Стайрона - теоретик, и столкновение с реальностью разбивает его теоретические постулаты, основанные на религиозном фанатизме и истерии. Таким столкновением становится в романе единственное убийство, которое совершает сам Нат Тернер - убийство Маргарет Уайтхед, девушки, которую Нат любил и которая любила его. Этот акт дикого немотивированного убийства, описанного автором со всеми страшными подробностями, пробуждает человечность, скрывающуюся в душе героя под коростой расовой ненависти и религиозного фанатизма. В душе Ната Тернера, запрограммированного на убийства, освященные, как ему кажется, кровавым светом Божьего гнева, происходит психологический надлом, лишивший его желаний убивать и повлекший, в конечном итоге, поражение восстания. После Преступления следует Наказание, но герою Стайрона не дано пережить живительный катарсис и пробудиться, хотя бы духовно, к новой жизни. Его удел до последних минут перед казнью - одиночество, подчеркиваемое образом *silence*, молчания, которым автор окутывает своего героя, отделяя его от других людей, от Бога. Отсутствие звуков, молчание - его удел последних дней: безмолвные пейзажи, которые он видит из тюремного не застекленного окна, и более страшное молчание Бога, отвернувшегося от своего избранника и орудия. "Ощущение Его отсутствия было подобно бездонному и страшному молчанию в моем мозгу" [6], - жалуется герой, с ужасом обнаруживающий, что он не может молиться.

Так наказывает автор своего героя за то, что он преступил черту, поднял руку на другого человека, даже во имя справедливой цели. Пафос романа Стайрона - в отрицании борьбы за свободу путем террора, путем насилия над невинными.

"Домашнее", бытовое, но не менее страшное по своим последствиям проявление терроризма легло в основу повести Дж. Смайли, лауреата Национальной премии критиков, "Добрая воля" (1989). Герой романа, прошедший Вьетнам, находит в себе силы жить, стремясь повторить уолденский эксперимент, воплотить идеал Торо, в США конца XX века. Он - фермер, и живет на своей земле плодами рук своих, отказываясь от денег для приобретения того, что он не может произвести сам. Он счастлив в своей семейной идиллии со своей

женой и 7-летним сыном. Только мальчик, внутренне чувствующий себя обделенным потому, что у него нет тех вещей, игрушек, которые есть у других детей, вдруг проявляет враждебность к маленькой чернокожей девочке из своего класса, а в конце повести поджигает ее красивый богатый дом. Материальная обделенность заставила его противопоставить себя "другим", почувствовать изгоем, что и толкнуло его на акт террора по отношению к "другому" - акт отчаяния и мести. В выступлении против США 11 сентября многие аналитики подчеркивали и этот момент: месть богатым, проявление своеобразной национально-классовой ненависти.

Наиболее остро проблема терроризма, политического и духовного, поставлена в романе М. Этвуд "Рассказ служанки" (1985).*

Роман Этвуд наиболее близок к «1984» Оруэлла в своей интерпретации будущего. Старший брат, вездесущий и всемогущий. Из «1984» превращается в «Рассказе служанки» в систему Глаз, шпионов, не менее всемогущих и вездесущих, чем он. Эта модель будущего также представляет жесткую тоталитарную систему, выражающую себя через войны во внешней политике и через жестокое подавление малейших признаков сопротивления и инакомыслия — во внутренней. Люди живут в нужде, в условиях жесткой распределительной системы; публичные казни стали обычным явлением. Но книга М. Этвуд представляет феминистский вариант «1984», и главную силу удара тоталитарная система наносит в ее книге по женщинам,

Новое тоталитарное государство, режим Галаад, переживает резкий демографический спад. В результате аборт, нежелания женщин иметь детей, плохих экологических условий и военных экспериментов, сделавших бесплодными многих мужчин, уровень рождаемости снизился в стране до критического уровня, с одновременным увеличением рождений неполноценных детей. И тогда тоталитарное государство заносит меч над правами женщин. Вначале женщин лишают возможности иметь банковские счета и работать, что делает их полностью зависимыми от мужчин. Затем принимается закон, согласно которому все

* М. Этвуд является канадской писательницей, но ее близость к американской культуре, художественные достоинства ее произведений и идейная направленность всемирно известного романа «Рассказ служанки», ставящего все те же женские экзистенциальные проблемы делают возможным рассмотрение ее романа в этом литературоведческом контексте.

повторные браки или союзы, не оформленные официально, объявляются вне закона. Мужчин считают преступниками и поступают с ними соответственно; женщин превращают в служанок, т.е. суррогатных матерей, задача которых — рожать детей для бесплодной элиты; детей разлучают с их недостойными матерями и передают в семьи бездетной элиты. Исторический прецедент подобного неслыханного варварства режим Галаад находит в Библии», в истории Якова и Рахели. Библия становится идеологическим основанием этого тоталитаристского государства и мы, на уровне восприятия, не можем не видеть в этом отражения современной жизни, так как методисты в южных штатах, постоянно цитирующие Библию, группа Морального превосходства неоднократно демонстрировали крайнюю реакционность в политической жизни страны Бездетных женщин отправляют в колонии, где их заставляют либо работать с высокотоксичными веществами, что весьма скоро их убивает, либо на плантациях в качестве рабынь, где они постепенно умирают от голода.

Писательница мастерски показывает, как легко тоталитарная система может быть политически установлена в стране даже с такими сильными демократическими традициями, как США (посредством прекрасно подготовленного переворота, расстрелом Конгресса бандой террористов, приостановлением действия конституции, введением тоталитарной формы правления, якобы необходимой для поддержания общественного порядка). Этот новый режим основан на расизме и антисемитизме, является по своей сути профашистским. Этвуд исследует психологический механизм, заставляющий людей приспособляться к диктатуре в ее самых крайних формах. "Мы жили, как и всегда, игнорируя то, что нам было неприятно. Игнорирование и невежество - разные вещи, первое требует усилия" [7], - признается героиня. "Ничто не меняется моментально: в постепенно нагревающейся ванне можно свариться, прежде чем поймешь, что происходит" [8], - предупреждает она.

Американская литература давно предчувствовала беду, давно предупреждала об угрозе духовного и политического терроризма. Нация, породившая подобную литературу, духовно сильна и не может не выжить в этом противостоянии.

1. Фолкнер У. Непобежденные., Собр. соч. в 6 т. - Т.3 - М., 1986. - С.148.
2. Уайлдер Т. Мартовские иды. - М.: "Радуга", 1983. - С.283.

3. Там же. С. 279.
4. Там же. С. 267.
5. Styron W. The Confessions of Nat Turner. - N.Y., 1968 - P.52.
6. Ibid. - P. 78.
7. Atwood M. The Handmaid's Tale. N.Y., 1985. - P.14.
8. Ibid.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ